

G

ГЕОГРАФИЯ ПЕРЕВОДА. ШВЕЙЦАРИЯ

Клаус Мерц

ЗАПОЗДАЛЫЙ ГОСТЬ

Клаус Мерц

Запоздалый гость

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=27051301

Запоздалый гость:

ISBN 978-5-91627-098-3

Аннотация

...По словам Манфреда Папста, он празднует жизнь, говоря при этом о разлуке, смерти и бренности. Современная швейцарская поэзия – в отличие от прозы – практически неизвестна русскому читателю. Более того, в предпочтениях ценителей поэзии немецкой наблюдается явный перекося – от кристально чистого Гюнтера Айха в сторону более эффектного внешне Пауля Целана. Возможно, строфы Мерца на русском языке в какой-то мере соединят в себе скульптурность минимализма Целана с пастельным скепсисом Айха и приоткроют узкие врата наслаждения тишиной, звучащей в слове.

Содержание

Из праха	5
На крепком ветру	5
Военно-полевое	7
Пинакотека	8
В поезде	9
Запредельное лето	10
Виперсдорф, после	11
Скорбный труд	14
Передышка	15
Большие обороты	16
Es-dur	17
Запоздалый гость	18
Индийское лето	19
Сверка часов	20
Если вдруг	21
Биография	22
Пойма	23
Посвящение Г	24
Ночь в помощь	26
Великая ночь	27
Морские байки	28
Совместно	29
Профилактика	30

Стратегия	31
Свет	32
За книгой	33
Вечные вопросы	34
Рим	36
Леса	37
В открытое море	38
Следуя природе	39
Краковская пасха	40
Четыре разговора с самим собой	41
Порубежье	43
Рекогносцировка	44
Вылазка	45
Белое пятно	46
Вне слышимости	47
Ганс	48
Вознесение	49
Пряжа	50
Завтрак на траве	50
Автостоп	51
Люси	52
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Клаус Мерц

Запоздалый гость

Из праха
Aus dem staub

На крепком ветру

Не сыграно в гольф или хотя бы
в пул и не выдрессирован пес.

На крепком ветру не влек меня парус,
могучий мустанг не нес.

Бывало и так, что
не хватало мужества

стоять на своем,
как снег или солнце.

Зато все чаще, бывает,
и все глубже заглядываю

в лица близких вплоть до
дней далекого детства.

Военно-полевое

Сквозь тракийскую низменность
дорога возвращает нас в город.
Родопы с Балканами окаймляют
пологий край. Инструктор
демонстрирует монумент
в память павших во все-
разрешающей битве:

*Летние травы
от гордых воителей
только след мечты*

вписал в дневник Мацуо Басё
на поле Хирайзумэ.

Пинакотека

Тучи стягиваются
легко и неотвратимо
дождь льет, льет.

Одна женщина оделяет
нас млеком, другая же
расчесывает волосы, три
сотни лет кряду:

Отнюдь не к живым, говорит
Мальро, но к статуям
да приидет блаженство.

В поезде

Медленно катим мимо,
я подсчитываю скамейки
за окном. Неполадки системы
в Либфельде, объявляет
кондуктор. Станционная насыпь
в цветах розмарина с цикорием.
И я подхватываю восклицание
ребенка,
познающего мир.

Запредельное лето

Разглядываю июль
в его пыльной шкуре
сквозь жалюзи.

(Распространитель косметики
штукатуруется перед
дверью куафера.)

Под жарким ветром смолкла
трава, черным цветком
цветут смолы.

Виперсдорф, после

1

Колесо тихо шуршит
по равнине, скользя
в тени тележных осей
Короля-солдата. Большие
скорости, малые обода. Сокол
и жаворонки уже высоко, лук
и стрелы. Средь бела дня
тонет за деревней «трабант»,
дружелюбные жители замерли
перед убегающими вдаль домами.
(Спокойствия ради за каждой
калиткой бдит овчарка.) После
по обочине долго петляет
тушка зайца, ветер вместе
с тучами оставляют сцену.
В палисаде каменный гном
берет свою лопатку и роет
яму в песках Бранибора: в честь
А. Z., отставного лесничего
по прозвищу «Волк». Он спас
бабушку и внучку из брюха

зверя. Над честным гравием
випердорфских аллей
теперь асфальт.

2

Повсюду аккурат белые грибы,
«бабки», говорят приехавшие сюда
швейцарцы, огребая добрую
взбучку от лесника-саксонца.
Осенью он менее всего склонен
к побрякам. – Но при всем том
мы, знаешь, не рассчитывали
на это последнее тысячелетье,
что твой, дочка, суженый
таки придет домой с той войны.
Меж тем бесплатные
развлечения, а еще духовые,
но не духовные, спаси-и-
-и-сохрани.

3

Этот при- и убывающий свет,

еще бродячие тени облаков, еще
несущий головокружение ветер.
Еще один день подбрасывает мне
бабочку, с которой я знаком, утиная
эскадра поднимается в воздух.
Стрекозы жируют над опустелым
складом ядерных фугасов в бору:
один кадр на взмах ресниц, недо-
слащенный свет оседает на моей коже
бисером пота. Холодными пальцами
я записываю партию дрожи.

Скорбный труд

День за днем
корпит над грядкой вдова,
избавляясь от вредных личинок.

К воскресенью
день освящая, она
фарфоровую утку выпускает в траву.

Передышка

Кукуруза в полтора роста
и воронье на покосе.

Сквозь пласты земли
просвечивают озимые.

В тени амбара крестьянин
отдыхает с крестьянкой.

Большие обороты

В глубине магазина склоняется
к прилавку с дарами юга и смотрит
как первым посетителем солнце
вступает к ней на порог.

Es-dur

Слышно, как музыканты
стареют: преходящее они
претворяют в созвучия,
примирия нас со временем.

Запоздалый гость

Жизнь – всегда театр военных
действий. Сказав это, он
стягивает сапоги и носки.

И тотчас засыпает за столом.

Индийское лето

По моей летней шляпе щелкают
желуди. Дровосек клянется
клену в любви. Дятел терпеливо выстукивает
жучкам походный марш.

Сверка часов

Кукушка накуковала? – говорит врач жителю гор, спустившемуся в долину умирать: мой час пробил, твердит тот упрямо и твердо. И той же ночью подтверждается его правота.

Посвящается J. L.

Если вдруг

Слышны далекие сирены.
Корабли отчаливают от обочин.
И окутанные плющом гиганты
Закрыли собой горизонт.

Биография

С течением лет ты сам
спекаешься в такой уголек,
который и останется угольком,
если *не* коснется бумаги.

Пойма

Сидеть себе среди
выкорчеванных сосен.
Облака гонит по воду
воинство лесных крон.

Сидеть себе на плоском
речном берегу. И песчаная
отмель напротив зеницей ока
хранима, для тебя одного.

Посвящение Г

Чертовски восхитительным образом
Герберт переносил эту смуглую
(а нам казалась такой недоступной
с высоты своих острых каблуков!)
Франсуа через порог мастерской,
к мотоциклам и совал ее прямехонько
в седло красно-алой «Гилеры».
С одного удара в лузу.

Герберт подходит к горну,
воскрешая забытый отцовский жар.
Он выковывает сперва ножку, затем
изысканный изгиб канделябра для
своей Франсуа. Алый цвет ее губ
и алый ногтей – это алый «Гилеры».
Она не слезает с седла мотоцикла, пока
мы всё порядком не разглядим.

«Эрбйр!» – окликает она Герберта.
Но Герберт уже загорелся, рука
тянется к следующей заготовке,
что лежит на стальной станине.
Слышал ли ты о камелиях? –
спрашивает он, он шепчет это
в мое раскаленное ухо, обжигая

меня своей щетиной.

Сорви мне один цветок для
моей Франсуа и сотвори-ка
нам наверху на чердаке какой-
нибудь свет! – Спустя год на
постели Герберта оправляется
от родов совсем иная женщина,
у нее ласковые глаза: Да, я
хотел бы стать таким, как он.

Ночь в помощь

Иногда под утро
в мою жизнь можно
совершить спуск
на глубину детства.

Рубцы оживают,
строка заживляет
дождями, снегами.

Будущее бегло,
мертвые близко.
И настоящее
теряет в весе.

Великая ночь

Все тут: это море
тот окоем, твое сердце-
биенье со мной. А
в Каракоруме слышно
несметные полчища
в поход подымает
Чингиз: принесите мне
фото Марса, велит он
темникам, вперед
Угэдэй!

Морские байки

Красноречивую
тишину за борт,
разве что в самом
устье безмолвие.
И буи точек
точно прибой.

Совместно

Хлеб преломлен, кров
разделен, взгляд в
темные воды.

Бок о бок швартуются
одиначества
по утрам.

Профилактика

Мушиная эскадрилья поднята
по тревоге, в расположении
пожарной части учебный
пожар. – Нет,

мы не зажигаем свечей
во имя наших умерших,
мы лишь включаем свет
во благо живым.

И мухобойка сегодня
спит на стене.

Стратегия

На обоях узор
из сна, ланцетные
листья. Попытка

со свежими силами
осилить день при помощи
смеха. Если же нет,

то поджидать ночь
сидя, на задних
лапках.

Свет

Есть фразы
что исцеляют

и дни что
легче чем звук

Есть голос
что я узнаю

прежде чем
позовут.

За книгой

След уводит
в джунгли, наступает
внезапная ночь; колючий дождь.

За время краткой дремы над
романом, я полагаю, обнаружилось
убежище пропавшей без вести героини,

и я повторно беру ее след,
продолжая чтение, в мокрой
насквозь одежде.

Вечные вопросы

1

Можно ли старости
можно ли страсти

ударам сердца
голосу крови

броженью хмеля
паденью снега

учить?

2

Куда же
мы так спешим

что мировая скорбь

передается как эстафетная палочка?

Рим

Едва проснувшись, ты
натыкаешься взглядом
на собственные мраморные плечи.

Леса

1

В оставленной лесничим колее
считанные осколки неба: рассчитывал
ли (на) нас Бог?

2

Для нас Бог воздух.
Мы им
дышим.

В открытое море

Корабль базилики,
ведомый свыше, держит курс на тот свет.
Команда поет.

Следуя природе

«Кракатау» написано на его пуловере в районе груди. Над вырезом угасший лик.

Краковская пасха

Кукушка зовет.

Дрозды славят Аушвиц-2.

На Казимеже в синагоге старик

сторож, он расправляет мне

в полутьме воротник

плаща, по-отечески.

Четыре разговора с самим собой

1

Принимается. Изо дня в день. Облачный холод, трудный трафик. Вчера трава еще зеленела, сегодня если что и осталось, так это твои глаза, один черный, другой голубой! Сугробами пока не пахнет, и ни намека на снег. Оставь же, в конце концов, в покое грядки, сними лисички с огня и признавай поражение: нам, с нашими медными трубами, не наснежить птичьей погадки.

2

Грубые рты. Кривые зубы.
Груды дамочки показывают зюйд-зюйд-вест: мамаша и сын, похожие, как две капли воды.
Лица пусты, но обращение королевское, высший сорт.

Они кладут свои талмуды
на стол в трактире.
И приобщают тебя.

3

Который день хрип батарей
предостерегающе царапает ухо.
И голуби с депешами под грифом
сiто давно стоят на зимних
квартирах. – Я, однако, смею
выглянуть напоследок в окно, мир
ест у меня с руки.

4

Снег
снег аж до
самых до итало-австрийских
сокровеннейших уголков
наших бедных
душ:
снег на голову.

Порубежье

Имперская желчь, умбра, роза, синь,
дорога ведет нас мимо крохотных
домиков, улиток в своих скорлупках.
За ними виноградники, дремучий лес,
искры водных велосипедов.

Дальше и дальше, а там Канада, Česká
Kanada. Распахнута бесконечность и
птиц исполнена тишина. Каменные
святыи там-сям на нашем пути,
мышино-серые воплощения

нашей внезапной смущенности такой
широтой луга и неба. Только в дырах
брошенных бункеров посвистывает
порой резкий ветер. Будто там кто-то
науськивает собак, до сих пор.

Рекогносцировка

Войдя в дом,
остановился у
дверей спальни.
Увидел иголку с
ниткой, лежат
наготове.

Вернулся назад
в гостиную.
Мать сидит
возле печи.
Отец спит
на кушетке.

Всё почти как
всегда. Не тронут
даже сургуч
печатей.

Вылазка

Неделю вокруг
да около, обычно
после обеда. Вчера
пришел к воротам,
сказал:
мол, вроде бы
он представляет себе,
как из праха
слепить человека.

Белое пятно

Вхождение в зону, расположенную чуть южнее тревожной. И, как водится во всех экспедициях, первый шаг делается очертя голову, практически наудачу.

Вне слышимости

Некто за полночь едет
с ужасным тро-ло-ло
под окнами на мопеде.
Забрало шлема поднято,
будто он идет на одну
из радостных войн.

Но отчего вдруг меня миг
спустя после этого так
ужасает звук огня
тлеющей сигареты?

Ганс

Он избегает смотреть в глаза,
рука сама делает указующий жест:

два кровоизлияния в мозг и двое
взрослых детей, вдобавок пара

домашних животных, без них
он бы столько не вытерпел. Как

пить дать, закладывает за воротник.

Вознесение

Мы продвигаемся древним
церемониальным путем вверх,
жуют коровы траву, безроги и
тихи. Вдруг трясет одна буренка
головой, почти церковный звон.
Преображение! Из ельника навстречу
пара тюрков: «Хой!»
приветствует муж, жена его
потупляет взгляд. (В это время
в Беромюнстере на хоры
водружают Спасителя). За лесом
пахнет жареным, бейсболка набок,
фартук подпоясан, там пестует
свои колбасы воскресный
повар, апчхи: «Бог в помощь!»
гость его кричит, и мощный
мотоцикл перебивает пение
птиц. В четверг над Готтардом
вновь дождь, вещает радио.
По Вюне бутылочная почта
мчит по течению к Рейну:
«К Троице легки на подъем
станут ваши головы!»
обещает нам Хозяин.

Пряжа Garn

Завтрак на траве

Того и смотри, из рукава куртки у нее выскочит ствол, и она запрет нас всех в той вон подсобке, – шепчет кассирша зрителю, когда, с брезентовым складным стулом через плечо, женщина требует в кассе пятидесятипроцентную скидку. Затем она останавливается перед самой большой картиной на выставке, раскладывает свой походный стул, садится и вперяет взор в великого француза: дамы обнажены, мужчины в шляпах. Она развязывает шнурки, сбрасывает туфли, пальцы на ногах скрещены; она вынимает из кармана куртки свой ланч: Я не люблю есть в одиночестве, однако с некоторых пор не всякое общество мне подходит, мой господин, – отбивает она спешащего к ней зрителя. И вонзает зубы в хлеб.

Автостоп

По поводу этого аккорда, вырвавшегося у него рано утром, если, пардон, я понимаю, о чем он толкует, так вот, в голове у него сразу же само срифмовалось: «Плывем по свету, пуская ветры», – фраза, которую, ему кажется, он запросто мог прицепить к какой-нибудь морской песенке в глубинах своего детства. Однако буксир пока не найден. Ни на одной волне он так и не подобрал мелодии, задумчиво говорит дальнбойщик. Может, я мог бы ему с этим помочь? Как музыкант?

Люси

Второго сентября это было, вечером, когда мы нашли для себя новые имена, после чего в течении четверти века мы тщательно избегали всяческих уменьшительных, ласковых, нежных и прочих кличек и прозвищ. Клянусь, никто из нас никогда не простонал: «милый», – даже вдали от дома, где darling или amore сами просятся на язык. Перед лицом наших понемногу взрослевших детей мы никогда не были кисами или заями. Когда же Люси исполнилось пятьдесят, у нас в саду сломался сук ивы. Мы сделали из него лучину и вошли в дом. – Лишь поздно ночью Люси заговорила о том, что принято называть «знаками». Она недвижно стояла перед зеркалом, в левой руке ночной крем, правая прикрывала пару морщинок на шее. Я ждал ночных новостей, Люси упрямылась. О, девочка моя, девочка, – прогнусавил я, забывшись, из полутемной гостиной на свет ванной комнаты. Вероятно, я был вдобавок немного пьян, а, возможно, воодушевлен растущим желанием утешить Люси по поводу отметин времени, так сказать, дистанционно. Шкатулка с благовониями угодила мне прямо в лоб. Подумаешь, преступление, – накинулся я на Люси, в гневе, в испуге, прижимая холодную ножку бокала для шампанского к своему саднящему носу. Вспыхнул свет. Люси опустилась на паркет прямо к мои ногам и, словно мой пустой кубок был микрофоном,

сказала в него: погоди, я с тобой еще разберусь. Полюбовно, малыш.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.